

ПРИХОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО во второй половине XIX — начале XX века*

Андрей Николаевич СМАГИН,
аспирант кафедры отечествен-
ной истории ДВГУ

На современном этапе развития исторической науки изучение деятельности Русской православной церкви (РПЦ) в процессе освоения Дальнего Востока России в дореволюционный период является одним из наиболее актуальных и перспективных направлений в исследовании прошлого нашего региона. Это обстоятельство обусловлено значительным усилением религиозного фактора в жизнедеятельности российского общества на протяжении последних пятнадцати лет и слабо разработанной темой. Сегодня очевидно, что любые активные действия, предпринимаемые в религиозной сфере без учета уроков прошлого, чреваты для общества негативными и труднопрогнозируемыми последствиями. Поэтому РПЦ, чтобы внести посильный вклад в развитие нашего региона, общества и государства, жизненно необходимо освоить опыт прошлого, и уже с учетом этого принимать участие в решении важнейших проблем общества и государства.

По закону в рассматриваемый период православие практически являлось государственной религией¹. РПЦ входила в структуру государственного аппарата (Ведомство православного исповедания) и действовала в важнейших сферах жизнедеятельности общества и государства (административная, социально-экономическая, политическая, правовая, культурная жизнь). В процессе становления и развития российской государственности на осваиваемой далекой окраине особое значение приобретали административная (регистрация актов гражданского состояния), идеологическая и культурная деятельность РПЦ. Опыт организованной колонизации Южно-Уссурийского края в конце XIX в. показал, что удовлетворение религиозных потребностей переселенцев является важнейшим условием их адаптации на заселяемой территории². Таким образом, РПЦ становилась одним из основных субъектов колонизации Дальнего Востока России. Соответственно православный клир выступил в роли проводника государственной политики.

Развитие институтов РПЦ на российском Дальнем Востоке в рассматриваемый период находится в тесной зависимости от увеличения численности переселенцев, исповедующих православие. В этом случае целесообразно выделить три основных этапа развития РПЦ в регионе:

1) 1858—1885 гг.— начало этапа обусловлено изданием двух взаимодополняющих законодательных актов (18 февраля 1858 г.— «О предоставлении духовенству Камчатской епархии некоторых прав и преимуществ...»³; 23 декабря 1859 г.— «Правила об обеспечении и устройстве духовенства Приамурского края»⁴), направленные на привлечение и закрепление православного духовенства в Приамурском крае. Характерной особенностью этого этапа является замедленное развитие институтов РПЦ низшего и среднего звеньев (приход,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Шифр гранта: 05—01—87100а/Т.

благочиние) и большие территориально-административные изменения Камчатской епархии. В 1858—1860 гг. присоединенный к России Приамурский край вошел в состав епархии, в 1862 г. учреждено Якутское викариатство, в 1869 г. оно было преобразовано в отдельную епархию, в 1870 г. из состава епархии выделено Новоархангельское викариатство, на его основе были образованы Алеутская и Аляскинская епархии⁵. Наиболее ранние статистические данные, отражающие состояние епархии на первом этапе, удалось обнаружить только за 1869 г. В это время епархия состояла из девяти благочинных округов (в Якутии — пять, в Приамурье — два, на Камчатке и Аляске — по одному). В епархии насчитывалось 111 церквей, в том числе походных и домовых. В Приамурье было 36 священнослужителей⁶. Соответственно в 1884 г.⁷: 10 благочинных округов, в каждом от 3 до 8 церквей, 68 приходов, 74 священнослужителя (во всей епархии)⁸;

2) 1886—1898 гг. — время динамичного развития институтов РПЦ, активизации храмового строительства и значительного увеличения числа священнослужителей, что было вызвано активной государственной политикой колонизации Южно-Уссурийского края в 1880—1890-е годы и, как следствие этого, значительным ростом численности переселенцев. Хронологические рамки этапа определены началом систематической государственной поддержки институтов РПЦ в переселенческой среде (1886—1890 гг. — деятельность Комитета для постройки церквей и учреждения школ в Южно-Уссурийском крае)⁹ и принятием в 1898 г. на государственном уровне решения о реорганизации Камчатской епархии. Основной причиной разделения епархии стало существенное увеличение численности паствы, приходов и благочиний. В 1897 г.¹⁰ Камчатская епархия состояла из 20 благочинных округов, штат духовенства насчитывал 150 священнослужителей¹¹;

3) 1899—1917 гг. — образование Владивостокско-Камчатской и Благовещенско-Приамурской епархий, решение вопросов епархиального строительства (в большей мере это относится к Владивостокской епархии, так как в Благовещенске уже были духовная консистория, духовная семинария и училище, был налажен выпуск епархиальных ведомостей), количественное и качественное развитие институтов РПЦ (появление женских монастырей, учреждение епархиального училища в Благовещенске, деятельность епархиальных съездов). В статистическом отношении развитие епархий в это время выглядит следующим образом: 1899 г., Благовещенская епархия — 12 благочинных округов, 82 священнослужителя¹², Владивостокская — 11 благочиний, 1 монастырь (Св.-Троицкий мужской, открыт в 1895 г.), 70 священнослужителей¹³; 1915 г.¹⁴, Благовещенская — 16 благочинных округов, 171 священнослужитель¹⁵, Владивостокская — 20 благочинных округов, 199 священнослужителей¹⁶. В каждой епархии было по два монастыря (мужской и женский)¹⁷.

Цель настоящего исследования — попытка конструирования и анализа образа приходского духовенства дальневосточных епархий РПЦ с 1858 по 1917 г. В понятие «образ духовенства» входят численный состав, образовательный ценз, материальное обеспечение, методы и формы деятельности священнослужителей. Образ духовенства рассматривается в хронологическом порядке, в соответствии с выделенными этапами.

Ранее данная тема практически не рассматривалась исследователями. Мы можем отметить только работу А.А. Ипатьевой, посвященную изучению состава миссионеров РПЦ на Юге Дальнего Востока России во второй половине XIX — начале XX в., и публикацию Е.А. Капрановой, в которой предпринята попытка анализа условий жизни сельского духовенства в Приамурье¹⁸.

Источниковую базу исследования составили: епархиальные отчеты с 1869 по 1917 г., отдельные делопроизводственные документы органов государственной власти, характеризующие дальневосточное духовенство, законодательные акты, регулирующие вопросы жизнедеятельности священнослужителей на

российском Дальнем Востоке, и опубликованные источники (местные епархиальные ведомости, журналы епархиальных съездов, мемуарная литература). Епархиальные отчеты содержат основную статистическую информацию, характеризующую количественный и качественный (образовательный ценз) состав дальневосточного духовенства. Существенным дополнением к ней служат критические замечания местных архиереев и государственных деятелей, дающие нам возможность внести конкретику в создаваемый образ. К сожалению, в ходе выполненной работы не все отчеты были выявлены. Отдельные из них, главным образом по Камчатской епархии, и вовсе не содержат сведений об образовательном цензе духовенства, что обусловлено слабой информированностью консистории. Однако это не мешает иметь общее представление об изменении численности и образовательного ценза дальневосточного духовенства, а после разделения Камчатской епархии провести — сравнительный анализ состава духовенства Благовещенской и Владивостокской епархий.

Камчатская, Курильская и Алеутская епархия РПЦ была учреждена в 1840 г. В ее состав вошли северо-восточная часть Сибири, Русские владения в Северной Америке, Алеутские и Курильские острова. Первым архиереем епархии стал епископ Иннокентий (Попов-Вениаминов), уроженец с. Агинского Иркутской губернии, 1797 г. рождения. До принятия епископского сана о. Иннокентий занимался миссионерской деятельностью на территории Русской Америки. Кафедра епископа разместилась в г. Новоархангельске на о. Ситха. В 1852 г. в состав епархии была включена Якутская область. В сентябре следующего года кафедра епископа была перенесена в Якутск, а в г. Новоархангельске учреждено викариатство. В это время деятельность православного духовенства в регионе заключалась в удовлетворении религиозных потребностей немногочисленной паствы (русские поселенцы, промышленники, военные и торговые моряки, служащие Российско-Американской компании, чиновники) и осуществлении миссии среди аборигенного населения.

Таблица 1¹⁹

Духовенство Камчатской епархии (1869—1898 гг.)

	Численность духовенства	Выпускники духовных академий	Выпускники духовных семинарий	Священнослужители, не имеющие пбо*	Процентное соотношение	
					Пбо	Др.
1869	36	1	17	18	50,0	50,0
1872	55	2	25	28	49,0	51,0
1875	50	1	20	29	42,0	58,0
1878	60	1	24	35	41,5	58,5
1881	78	1	34	43	45,0	55,0
1884	74	1	36	37	50,0	50,0
1891	119	4	46	69	42,0	58,0
1893	126	—	54	72	43,0	57,0
1895	143	3	55	85	40,5	59,5
1897	150	2	56	92	38,5	61,5

* пбо — полное богословское образование.

В 1858—1860 гг. в результате решения «амурского вопроса» Приамурье вошло в состав России. С этого времени происходит кардинальное изменение приоритетов государственной политики освоения дальневосточного региона. Основное внимание царского правительства сосредоточивается на колонизации возвращаемой территории. Данное обстоятельство непосредственно отразилось и на деятельности РПЦ в регионе.

Основой влияния РПЦ в Приамурье должен был стать православный клир. В целях привлечения и закрепления священно- и церковнослужителей в регионе с суровыми климатическими условиями и отсутствием инфраструктуры закон предоставил им льготы (по переселению, прохождению службы, начислению пенсий и единовременных выплат) и гарантировал материальное обеспечение.

В фондах Государственного архива Амурской области отложились три дела, содержащие прошения клириков о приеме на службу в Камчатскую епархию с 1857 по 1866 г.²⁰ Трудно судить, насколько полно они отражают реакцию клира на изданные законодательные акты и призыв Св. Синода от 21 мая 1858 г. (послужить на ниве господней в Приамурье)²¹, но вместе с тем не стоит обходить их вниманием. Прошения поступили от имени 105 чел. Из них: 62% поступило от церковнослужителей, 13,5% — от священнослужителей, 12,5% — от послушников монастырей, 8,5% — от учащихся духовных учебных заведений. Прошения от служащих консисторий, монахов и учителей были единичны.

Большая часть прошений поступила в 1858—1859 гг.: 40 — от церковнослужителей, 10 — от священников, по 6 — от послушников и учащихся духовных учебных заведений²². Такая реакция клириков вполне объяснима: помимо гарантированного материального обеспечения и переезда за государственный счет (включая всех членов семьи), служба на присоединенной территории предполагала широкие перспективы продвижения по иерархической и социальной лестнице.

Общее число прошений следует разделить на две части: поступившие от клириков европейской части России (55%) и служителей сибирских епархий (45%).

Европейская часть России в рассматриваемый период была переполнена образованными священнослужителями. Здесь сложилась устойчивая система институтов РПЦ, продвижение по иерархической лестнице было строго регламентировано, вакантные места распределялись за долгие годы до их освобождения. В отдельных епархиях выпускники духовных семинарий по несколько лет ожидали вакансии²³, а получить место священнослужителя без полного богословского образования было практически невозможно.

Иная ситуация складывалась в Сибири. Так, Томская епархия во второй половине XIX в. испытывала «хроническую нехватку священно- и церковнослужителей», поэтому должности здесь часто замещались людьми, не отвечавшими всем необходимым требованиям²⁴. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что прошения клириков Томской епархии составили 24% от общей массы, и более половины — от сибирских епархий. Также существенная часть прошений поступила и от служителей Иркутской епархии — 18%. Среди подавших прошения клириков этих двух епархий было всего 5 священников, остальные 35 чел. — церковнослужители. Важно отметить, что священно- и церковнослужители Сибири имели возможность проявить себя в своих епархиях. Поэтому закономерно возникает вопрос: что влекло клириков в Приамурский край? Думается, то, что наряду с гарантированным материальным обеспечением в неосвоенном и только начинавшем развиваться (в цивилизованном отношении) крае возможности занять определенное место в обществе были гораздо шире, особенно для пионеров колонизации. Служа в Сибири, они должны были быть знакомы с примерами реализации таких возможностей. В отдельные годы прошения от клириков Томской и Иркутской епархий носили массовый характер: Томская (1859 г.) — 15; Иркутская (1862 г.) — 11, или 2/3 от поступивших за этот год. Причем прошение от клира Иркутской епархии было коллективным²⁵ и, скорее всего, оно связано с перемещением в 1862 г. кафедры епископа Камчатского из Якутска в Благовещенск, о чем говорилось выше. В том же году в Благовещенске было открыто духовное училище²⁶. В совокупности эти события ознаменовали развитие молодой епархии и должны были послужить дополнительным стимулом к привлечению в епархию священнослужителей.

В целом большинство прошений о зачислении на службу в Камчатскую епархию поступило от церковнослужителей, заинтересованных в материальном обеспечении и перспективе продвижения по службе.

Становление религиозной жизни на территории Приамурья стало важнейшей задачей епископа Иннокентия и его преемников. Епископ Иннокентий всеми доступными средствами содействовал открытию в переселенческой среде новых приходов, строительству церквей, распространению предметов культуры, привлечению в епархию священно- и церковнослужителей²⁷.

Штатное расписание священнослужителей Камчатской епархии напрямую зависело от благосостояния, численности и географии размещения паствы. Основу последней составили крестьяне-переселенцы из европейской части России. Оторванные от своей исторической родины, они стремились на новом месте воспроизвести традиционный уклад жизни, неотъемлемой частью которого была церковь. Обязательным условием открытия нового прихода и, соответственно, учреждения причта, являлось обеспечение прихожанами клира жильем. Но после строительства храма у переселенцев, как правило, не оставалось средств даже на его благоустройство, не говоря уже о строительстве или аренде домов для причта. Поэтому приходы были очень обширны, а удовлетворение религиозных потребностей переселенцев затруднялось из-за отсутствия развитой системы коммуникаций. Таким образом, в Приамурском крае было явно недостаточное число духовенства.

Несмотря на предпринимаемые меры, епархиальное начальство продолжало испытывать «крайний недостаток в духовенстве»²⁸. Лишь к концу 1870-х годов наличный состав священнослужителей Приамурья (южной части епархии) почти соответствовал штатному расписанию²⁹. В определенной мере этому способствовало учреждение (1870 г.) и деятельность Благовещенской духовной семинарии (из 10 выпускников 1878 г. 9 приняли сан)³⁰.

Нехватка духовенства приводила к тому, что некоторые заведовали сразу двумя приходами³¹ или совмещали обязанности приходского священника с должностью благочинного. В такой ситуации епископы вынуждены были снисходительно относиться к неудовлетворительному поведению отдельных священнослужителей³². Были годы, когда в епархии насчитывалось от 6 до 9 священников, уволенных по различным причинам, но продолжавших исполнять свои обязанности в ожидании замены³³.

В складывавшейся ситуации усиливалось значение контроля со стороны благочинных и епископа. По установленным нормам благочинные обязаны были два раза в год проводить ревизию своего округа. Однако в специфических условиях далекой окраины лишь немногие благочинные совершали ревизии вверенных им церквей раз в год³⁴. Причинами этого послужили: обширность благочинных округов (расстояние от мест службы благочинных до приходских церквей составляло от 30 до 600 км)³⁵, отсутствие специальных средств на разъезды, канцелярские расходы и наем посыльных (несмотря на то, что они компенсировались за счет негласного взимания с причтов денежных средств)³⁶, совмещение обязанностей благочинного и приходского священника. Епископам приходилось считаться с таким положением дел. Единственное, что они могли и обязаны были делать раз в год, — личное обозрение епархии.

В отчетах архипастыри отмечали прямую зависимость качества профессиональной деятельности духовенства от уровня образования. Как правило, проблемные священнослужители, предававшиеся пьянству, не имели семинарского образования³⁷. По причине недостаточной профессиональной подготовки священнослужители не могли наставлять паству проповедями собственного сочинения³⁸. В отличие от них священники с семинарским образованием готовили от 3 до 8 и более проповедей в год³⁹. Из таблицы 1 видно, что удельный вес священнослужителей Камчатской епархии, получивших полное богословское

образование (выпускников духовной семинарии), колебался в пределах 50—42%. То есть половина (в отдельные годы) и более священников не имели полного богословского образования. В своей деятельности они ограничивались удовлетворением религиозных потребностей паствы и практически не проявляли активности во внекультовой сфере (преподавание в школах, участие в общественной жизни прихожан).

В условиях недостатка в Приамурском крае священно- и церковнослужителей, при острой потребности переселенцев в религиозной поддержке священнослужителями вынуждены были совершать богослужения «со значительными отступлениями». К началу 1880-х годов такие службы вошли в повседневную практику⁴⁰. Примечательна в этом отношении реакция епископа Мартиниана на выявление подобного факта при посещении Южно-Уссурийского края в 1881 г. Священнику церкви с. Никольского Петру Певцову, уличенному прихожанами в упущениях при совершении богослужений, епископ объяснил, что в будущем, при допущении подобного, следует разъяснять пастве причины отступлений от установленных норм богослужения⁴¹. В целом местные условия и уровень образования во многом определили экстенсивный тип деятельности священнослужителей и специфику богослужений.

В географическом отношении большая часть священников, получивших семинарское образование, была представлена в наиболее населенных местностях Амурской области и Южно-Уссурийского края. В 1870-х годах расположенные здесь церкви чаще других подвергались ревизии со стороны епархиального начальства. В отчете за 1883 г. отмечалось, что данный фактор и семинарское образование стали гарантом удовлетворительной деятельности большинства священнослужителей Приамурья⁴². Вместе с тем в ходе ревизий были установлены и серьезные недостатки в деятельности духовенства, на устранение которых были направлены специальные распоряжения епархиального начальства. К ним относятся неудовлетворительное ведение делопроизводства, использование церковных сумм не по назначению (1878)⁴³, уклонение от богослужений в часовнях (1879 г.)⁴⁴. Такое положение дел не в полной мере отвечало требованиям религиозной жизни и усилению влияния РПЦ в переселенческой среде.

Жизненный уровень духовенства Камчатской епархии определялся рядом факторов: образовательный ценз, благосостояние прихожан, стаж службы на Дальнем Востоке и состав семьи. Материальное обеспечение священнослужителей регламентировалось «Правилами обеспечения и устройства духовенства Приамурского края», «Положением о предоставлении духовенству Камчатской епархии некоторых прав и свобод» (начисление пенсий, единовременных выплат, прибавок к жалованью) и «Положением о Приходских Попечительствах при Православных церквях»⁴⁵ (1864). Сводилось оно к следующему: жалованье от казны, составлявшее основной достаток духовенства Камчатской епархии⁴⁶ (1860—70-е годы) — от 460 до 700 руб.⁴⁷, с начала 1880-х годов до 1000 р.⁴⁸; натуральные повинности (отопление храма, капитальный ремонт причтовых домов, наем церковного сторожа, предоставление священнику средств передвижения) и денежное пособие (от 200 до 250 руб. сельскому священнику, городскому — 300—350 руб.) от прихожан⁴⁹. В совокупности содержание причта от прихожан составляло так называемую ругу. Она являлась дополнением к жалованью, предназначенному для обеспечения прожиточного минимума. Закон допускал выплату руги в сельской местности хлебом. Изначально предполагалась частичная выплата руги, с постепенным ее увеличением до полного объема, по мере роста благосостояния прихожан. До этого времени хлебное довольствие клирикам должно было выдаваться из казны. Процедура выплаты денежного пособия от прихожан в законе не была регламентирована, что стало большим препятствием на пути исполнения данного положения закона; земельный надел до 80 десятин на сельский причт. Получать прибыль с земельного участка причты долж-

ны были самостоятельно⁵⁰. С 1868 г. земельный надел, выделявшийся для обеспечения причта и церкви, был увеличен до 300 десятин⁵¹. В отчетах по Камчатской епархии не упоминается о доходах причтов с земельных участков. По всей видимости, они были незначительны.

Забота о материальном обеспечении причтов и содержании церквей возлагалась на приходские попечительства. Они формировались из выборных членов от прихода, крестьянских начальников (в сельской местности) и священнослужителей⁵². Первые приходские попечительства появились в Приамурье только в 1868 г.⁵³ В начале 1870-х годов они были учреждены во всех приходах Приамурья⁵⁴. Образование приходских попечительств во многом было навязано прихожанам епархиальным начальством, в экономическом отношении переселенцы к этому не были готовы. По этой причине деятельность попечительств была малоэффективной. Прихожане смогли обеспечить священнослужителей домами⁵⁵, но ружное довольствие выплачивалось лишь в отдельных приходах, да и то в половинном размере⁵⁶.

По свидетельству современников (священников и чиновников), материальное положение большинства священнослужителей оставляло желать лучшего. На Нижнем Амуре, о-ве Сахалин и в северных районах материальное обеспечение духовенства было неудовлетворительным⁵⁷.

На основе используемых источников не совсем четко вырисовывается образ дальневосточного духовенства в 1860-х — начале 1880-х годов. Тем не менее данный материал позволяет выделить основные его черты: низкий образовательный уровень большинства священнослужителей, их малочисленность для удовлетворения религиозных потребностей переселенцев (главным образом в Приамурье), слабая активность в общественной жизни прихожан и недостаточное материальное обеспечение.

На втором этапе (1886—1898 гг.) в связи с усилением правительственной колонизации в Южно-Уссурийском крае широко разворачивается храмовое строительство и открытие новых приходов. С 1886 по 1899 г. в Южно-Уссурийском крае было построено и освящено 34 храма⁵⁸. При открытии Владивостокской епархии (1899) в крае насчитывалось пятьдесят приходов, объединенных в семь благочинных округов⁵⁹. В этих условиях епархиальному начальству необходимо было в авральном порядке решать вопросы обеспечения приходов священнослужителями.

К 1898 г. численность духовенства Камчатской епархии достигла 150 чел., т.е. по сравнению с 1884 г. увеличилась в два раза. При этом большую часть священнослужителей (56,5%) представляли выпускники духовных училищ и лица с «домашним» образованием⁶⁰. Доля священников, имевших полное богословское образование, составила 38,5% (см. табл. 1). Недостаток священнослужителей восполнялся главным образом за счет лиц, которых епархиальное начальство «сочло возможным удостоить сана священника, несмотря» на их образовательный ценз⁶¹. Были случаи замещения вакансий и запрещенными священнослужителями, которые, по свидетельству благочинных, оказались достойны разрешения. Подобные крайние меры были вполне обоснованы, если учесть, что в 1893 г. численность духовенства епархии составляла всего 2/3 от штатного расписания⁶². В том году в среднем на одного священника в Амурской области приходилось 430 чел., в Приморской — 540; в Амурской области каждый 4-й прихожанин не был на исповеди, в Приморской — каждый 11-й⁶³. Таким образом, в 1880—90-е годы позитивных изменений в качественном составе духовенства Камчатской епархии не произошло. Как и ранее, большинство священников ограничивались в своей практике удовлетворением минимальных религиозных потребностей переселенцев. Но своевременное выполнение даже этой задачи при отсутствии развитой коммуникационной системы достичь большой численности прихожан было весьма проблематично.

Позитивных изменений в материальном обеспечении духовенства также не появилось. Единственным средством к улучшению материального положения клириков, по мнению епархиального начальства и местной администрации, являлось увеличение ружного довольствия (точнее, не частичная, а полная выплата руги)⁶⁴. Решение вопроса всецело зависело от увеличения численности и роста благосостояния прихожан. Попытки светской и духовной властей обязать прихожан к выплате руги в полном размере оказались безуспешны, так как материальные возможности переселенцев были ограничены.

В 1895 г. в епархии действовало 70 приходских попечительств. Сумма, выделенная ими на содержание причтов, составила 7760 руб.⁶⁵, т.е. в среднем на каждый причт — 111 руб., из них 3/4 было положено священнику. Теоретически каждый второй священнослужитель (из расчета один священник на один приход; в 1895 г. духовенство епархии насчитывало 143 чел.) получил надбавку к жалованью в размере 80 руб., и, соответственно, каждый второй не получил даже этого. Таким образом, в это время не удалось наладить материальное обеспечение духовенства, клирики вынуждены были самостоятельно решать данный вопрос (взимание платы за исполнение треб и др.)

В ситуации, когда более половины священнослужителей не имели полного богословского образования, необходимо было давать и расширять возможности самообразования и общения между духовенством. С этой целью при церквях учреждались библиотеки. Их фонды постоянно пополнялись, в том числе и за счет обязательной подписки⁶⁶. Благодаря этому священники располагали литературой, необходимой для сочинения проповедей, знакомились с опытом других клириков. С 1894 г. в Благовещенске стали издаваться «Камчатские епархиальные ведомости» — официальный печатный орган местного епархиального управления. Издание выходило два раза в месяц. На его страницах публиковались царские манифесты, указы Св. Синода, распоряжения епархиального начальства, информация о жизнедеятельности епархии. Издание «Камчатских епархиальных ведомостей» стало важным шагом на пути интеграции духовенства епархии и существенно расширило возможности общения между ними.

В процессе реорганизации Камчатской епархии в 1899 г. на ее территории были образованы Владивостокско-Камчатская и Благовещенско-Приамурская епархии. В состав Владивостокской епархии вошли о-в Сахалин и следующие округа Приморской области: Южно-Уссурийская, Удская (частично. — А.С.), Гижигинская, Петропавловская, Анадырская, Командорских островов. Кафедра епископа разместилась во Владивостоке. В 1907 г. в состав епархии были включены приходы по линии Китайско-Восточной железной дороги, ранее находившиеся под юрисдикцией Пекинской духовной миссии⁶⁷. Благовещенская епархия имела территории Амурской области и часть Приморской — приходы, расположенные по линии Уссурийской железной дороги (в 1901 г. они перешли в состав Владивостокской епархии)⁶⁸ и на Нижнем Амуре. Кафедра епископа осталась в г. Благовещенске. Несколько неопределенным оставалось разграничение епархий на Нижнем Амуре⁶⁹.

Объем и сложность решения организационных задач, связанных с учреждением новой епархии, стали основным мотивом назначения епископа Евсевия (Никольского) архипастырем Владивостокской епархии. К этому времени епископ Евсевий обладал богатым опытом административной работы, приобретенным главным образом на далекой окраине: был ректором Иркутской духовной семинарии (1893—?), редактором «Иркутских епархиальных ведомостей» (1894—1896 гг.), викарным епископом в Иркутской епархии (январь—октябрь 1897 г.), с октября 1897 г. возглавил Камчатскую епархию⁷⁰. Именно при нем развернулось широкомасштабное церковное строительство в Южно-Уссурийском крае, поэтому он, как никто другой из иерархов РПЦ, знал ситуацию в регионе и имел налаженные отношения с местной админист-

рацией. Опыт и личные качества епископа Евсевия, а также геополитическое положение епархии и активизация дальневосточной политики царского правительства с 1908 г. определили бессменное правление епископа Евсевия во главе Владивостокской епархии до 1918 г., в то время как в Благовещенской епархии за этот период сменилось четыре епископа, и был назначен пятый.

Во время образования Владивостокской епархии остро встал вопрос обеспечения приходов священнослужителями. В состав епархии вошли 69 приходов. Более трети из них была без священников, при этом в епархии планировалось открыть еще несколько приходов. В этой ситуации епископ Евсевий обратился к практике вызова духовенства из других епархий (по закону на духовенство епархии распространялись преимущества службы, предоставленные духовенству Камчатской епархии). Результат оказался незначительным. На предложение откликнулись несколько священнослужителей, да и те не оправдали возлагавшихся на них надежд⁷¹. Чтобы решить этот вопрос, епископ прибегнул к крайней мере. На службу в епархию стали привлекаться не имеющие специального образования молодые люди из местной среды. Сначала они назначались на должности псаломщиков и учителей церковноприходских школ. Спустя два-три года, после того как человек в достаточной мере мог себя зарекомендовать, ему назначался экзамен на знание предметов, необходимых для пастырской деятельности. После сдачи экзамена кандидат удостоивался рукоположения и священнического места, что объективно способствовало увеличению численности духовенства епархии. Несмотря на низкий уровень образования духовенства, епархиальное начальство стало допускать «гораздо меньше» ошибок при выборе достойных кандидатов на священнические места⁷².

Таблица 2⁷³

Духовенство Благовещенской и Владивостокской епархий (1899—1916 гг.)

	Численность		Священники с пбо в %		Выпускники Мпк* в %	
	Б**	В***	Б	В	Б	В
1899	82	70	—	—	—	—
1901	83	84	—	14,0	—	—
1902	91	91	—	10,0	—	—
1903	89	97	22,5	—	—	—
1905	94	98	27,5	10,0	—	—
1907	95	101	48,5	21,7	—	—
1908	105	115	53,5	18,0	—	—
1909	99	124	55,5	13,5	—	—
1911	130	160	47,0	11,0	12,5	20,5
1912	158	176	39,0	25,0	24,0	28,0
1913	168	186	37,0	22,0	28,5	—
1914	171	191	38,5	24,0	30,5	38,0
1915	171	199	37,0	24,0	31,0	38,5
1916	—	229	—	17,5	—	37,5

* Мпк — Московские пастырские курсы.

** Б — Благовещенская епархия.

*** В — Владивостокская епархия.

В связи с учреждением Владивостокской епархии стал актуальным вопрос об открытии духовной семинарии и училища во Владивостоке⁷⁴. Однако у государства не нашлось средств на его решение. Единственная в Приамурье Благовещенская духовная семинария выпускала своих слушателей раз в два года,

причем в очень ограниченном количестве. Часть семинаристов, не получив полного богословского образования, принимала сан и отправлялась служить в открывавшиеся приходы (также вынужденная мера). В целом семинария не удовлетворяла потребности даже Благовещенской епархии⁷⁵.

Качественно новое решение кадрового вопроса было связано с активизацией дальневосточной политики царского правительства после революции 1905—1907 гг. В 1909 г. в Москве по инициативе известного миссионера протоиерея И. Восторгова были организованы пастырские курсы, куда стали принимать учителей церковных школ, диаконов и псаломщиков. Кроме занятий по специальности в программу входили лекции по истории и современному состоянию переселенческого дела в Сибири и на Дальнем Востоке. Помимо современного положения переселенческого дела в лекциях раскрывались роль и значение деятельности РПЦ в процессе колонизации восточных окраин России⁷⁶. Занятия начинались 1 октября и продолжались шесть месяцев, все это время курсисты находились на полном содержании Св. Синода. Выпускники курсов (1910—1915 гг.) заняли большую часть вакансий, образовавшихся при учреждении новых приходов в Благовещенской (73,5%)⁷⁷ и Владивостокской (82%)⁷⁸ епархиях. В среднем благодаря этому доля священнослужителей, имевших полное богословское образование, в Благовещенской епархии составила 40,5%, во Владивостокской — 17,5%. То есть во Владивостокской епархии удельный вес священнослужителей с полным богословским образованием был меньше в два с лишним раза. Причиной такого соотношения являлось не только отсутствие духовной семинарии во Владивостокской епархии, но и более быстрое увеличение штатных должностей (9 в год, против 5—6 в Благовещенской епархии).

Несмотря на низкий образовательный ценз, состояние нравственности духовенства обеих епархий, по свидетельству епископов, было вполне удовлетворительным⁷⁹. Вместе с тем малообразованное духовенство весьма формально относилось к выполнению своих обязанностей. Большинство из них ограничивало свою деятельность совершением богослужения в сокращенном варианте, исправлением духовных треб и чтением в церквях «печатных поучений»⁸⁰. В условиях отсутствия сносной системы коммуникаций, обширности прихода и разбросанности школ преподавание Закона Божьего в последних во многом оставалось на бумаге⁸¹.

Специфика деятельности большинства священнослужителей обуславливалась формирувавшейся переселенческой средой. В этнографическом отношении она была представлена выходцами из различных частей Центральной России, Украины и Сибири. На далекую окраину они приносили свои традиции и обычаи, в том числе и религиозные обряды. В результате этого церковные службы в начале XX в. представляли большое разнообразие, но случался и откровенный произвол, допускавшийся священнослужителями в угоду прихожанам⁸². К примеру, в некоторых украинских приходах «особо торжественно» проходила церемония погребального обряда: во главе похоронной процессии несли крест, иконы и хоругви; по просьбе родных усопшего священник останавливался от 3 до 12 раз для чтения евангелия. Прихожане-украинцы, узнавая о такой практике в соседних приходах, выражали негодование в адрес своего священника, не допускавшего подобного⁸³. В итоге в южной (наиболее заселенной) части Владивостокской епархии сложилась система, характеризовавшаяся принципом «как изволят настоятель»⁸⁴. Незыблемость этой системы хорошо демонстрирует безуспешная попытка продвижения на IX съезде духовенства Владивостокской епархии (1914) «Проекта единообразного совершения в епархии богослужения и треб». Проект был разработан в 1913 г. и использовался духовенством VI благочинного округа. Несмотря на то, что архиепископ Евсевий внес в проект исправления и дополнения, депутаты съезда отказались от его обсуждения⁸⁵.

На общем фоне духовенства вырисовывался круг священнослужителей, активно участвовавших в жизни своей паствы и внесших существенный вклад в освоение далекой окраины: отец П. Мичурин (с начала 1880-х до середины 1890—х годов занимался церковным строительством в Южно-Уссурийском крае, благодаря его усилиям в 1900 г. в г. Никольске-Уссурийском был возведен собор; принимал активное участие в жизни города, отец М. Кессельман (курировал храмовое строительство в Южно-Уссурийском крае в 1896—1903 гг.)⁸⁶, отец Г. Ваулин (председатель Осиновского общества трезвости в 1900—1907 гг., автор книги «Первая обитель на Дальнем Востоке»⁸⁷), отец В. Давыдов (редактор «Владивостокских епархиальных ведомостей», разработал «Правила Епархиальных съездов Владивостокской епархии»⁸⁸), отец А. Фокин (активно участвовал в проведении вакцинации прихожан церкви с. Космодемьяновки Амурской области)⁸⁹.

Внутригрупповое общение у большинства священнослужителей было крайне ограничено. Причиной этому послужили обширность приходов, а также различия в происхождении, уровне образования, принадлежности к различным субэтническим группам священнослужителей⁹⁰. Главным образом контакты происходили во время ревизий благочинных и крестных ходов (во Владивостокской епархии — в Св. Троицкий мужской монастырь, в Благовещенской — крестный ход с иконой Албазинской Божьей матери). Наиболее активные священнослужители публиковали свои работы на страницах епархиальных ведомостей, участвовали в работе благочиннических и епархиальных съездов.

Наладить систему материального обеспечения духовенства Благовещенской и Владивостокской епархий на заключительном, третьем, этапе также не смогли. Если в начале 1900-х годов в отчетах дальневосточных архипастырей отмечалась нерегулярная, неполная выплата ружного довольствия, к тому же еще не во всех приходах, то уже к концу десятилетия они были вынуждены констатировать, что материальное обеспечение духовенства в большинстве приходов неудовлетворительное, а руга «отошла в область преданий»⁹¹. Епископ Евсевий еще в 1904 г. отмечал, что определить объем получаемого причама ружного пособия не представляется возможным⁹². Тем не менее в 1908 г. местная администрация провела специальное исследование этой проблемы, было проверено 250 селений и 18 428 хозяйств Приамурского края. Выяснилось, что ружное довольствие, реально выплачиваемое причтам, составило: в казачьих приходах — 183 руб., в крестьянских — 226 руб.⁹³ Таким образом, можно говорить о том, что к 1908 г. была достигнута относительно удовлетворительная выплата ружного довольствия (учитывая все недостатки). Однако в это же время начинается резкое ухудшение материального положения большей части духовенства, обусловленное значительным увеличением численности священнослужителей обеих епархий с 1908 по 1917 г. (см. табл. 2) и изменением крестьянской среды. Прибывшие в епархии в это время священнослужители назначались, как правило, в только что учрежденные приходы, где паству составляли главным образом новоселы, сами нуждавшиеся в материальной помощи. Причтовые дома в таких приходах строились на средства, выделяемые Переселенческим управлением⁹⁴. По причине сокращения свободного земельного фонда крестьяне отказывались отводить для учреждаемых причтов земельные наделы либо присваивали их⁹⁵. Существенные доходы с земельных наделов получали лишь отдельные причты наиболее населенных местностей Приамурья⁹⁶.

Подводя итоги, следует отметить, что поставленная проблема требует дальнейшей разработки, главным образом на основе источников личного происхождения и отчетов благочинных, где более содержательно, детально и локализовано представлена необходимая информация. Вместе с тем уже сегодня можно выделить характерные черты приходского духовенства дальневосточных епархий РПЦ: неоднородность, низкий образовательный уровень большинства священнослужителей, недостаточное материальное обеспечение, увеличение

численного состава в соответствии с усилением переселенческого потока, использование экстенсивных форм организации труда. При всех своих различиях и недостатках дальневосточное духовенство стало важным и неотъемлемым участником процесса колонизации российского Дальнего Востока во второй половине XIX — начале XX в.

- ¹ Свод законов Российской империи. Т. I. Ч. I. СПб., 1906. С. 15.
- ² РГИА. Ф. 1273, оп. 1, д. 409, л. 41; Там же. Ф. 702, оп. 5, д. 487, л. 74 об., 115.
- ³ Полное собрание законов Российской империи. Т. 33. СПб., 1858. С. 255—258.
- ⁴ Правила об обеспечении и устройстве духовенства в Приамурском крае // РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 5993, л. 5—10.
- ⁵ Сердюк М.Б. Православные епархии, епископы и монастыри на Дальнем Востоке России в конце XIX—XXI в.: историческая справка // Религия и власть на Дальнем Востоке России: Сб. документов ГАХК. Хабаровск, 2001. С. 365.
- ⁶ РГИА. Ф. 796, оп. 442, д. 323, л. 6, 8, 9.
- ⁷ Статистические данные епархиального отчета за 1885 г. менее репрезентативны.
- ⁸ РГИА. Ф. 796, оп. 442, д. 1027, л. 5—5 об., 13.
- ⁹ Подробнее см.: Смагин А.Н. Деятельность Комитета для постройки церквей и учреждения школ в Южно-Уссурийском крае (1886—1890 гг.) в контексте освоения юга Дальнего Востока России // Седьмая Дальневосточная конференция молодых историков: Сб. материалов. Владивосток, 2002. С. 430—436.
- ¹⁰ Епархиальный отчет за 1898 г. не выявлен.
- ¹¹ РГИА. Ф. 796, оп. 442, д. 1671, л. 3, 8 об.
- ¹² Там же. Д. 1764, л. 3 об., 23.
- ¹³ Там же. Д. 1765, л. 39; РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 5, д. 489, л. 768—768 об.
- ¹⁴ Отчет о состоянии Благовещенской епархии за 1916 г. не выявлен.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 796, оп. 442, д. 2687, л. 3 об., 27 об.
- ¹⁶ Там же. Д. 2689, л. 2, 25.
- ¹⁷ Сердюк М.Б. Православные епархии... С. 368—369.
- ¹⁸ Ипатьева А.А. Личный состав миссионеров Русской Православной церкви на юге Дальнего Востока во второй половине XIX — начале XX в. // История государственности и церкви на Сахалине. Южно-Сахалинск, 2001. С. 103—123; Капранова Е.А. Условия жизни и быта сельского духовенства (вторая половина XIX — начало XX в.) // Приамурье на рубеже веков. Благовещенск, 2001. С. 105—107.
- ¹⁹ Составлено по: РГИА. Ф. 796, оп. 442, д. 323, л. 9; д. 473, л. 6 об.; д. 632, л. 9 об.; д. 786, л. 10; д. 932, л. 15; д. 1027, л. 13; д. 1375, л. 9 об.; д. 1449, л. 10—11; д. 1562, л. 13 об.; д. 1671, л. 8 об.
- ²⁰ ГААО. Ф. 4-И, оп. 1, д. 121, 122, 145.
- ²¹ Там же. Д. 122, л. 30.
- ²² Подсчитано по: ГААО. Ф. 4-И, оп. 1, д. 121, л. 1—94; д. 122, л. 1—59; д. 145, л. 1—36.
- ²³ ГААО. Ф. 4-И, оп. 1, д. 121, л. 90.
- ²⁴ Есипова В.А. Приходское духовенство Западной Сибири в период реформ и контрреформ второй половины XIX века (на материалах Томской епархии): автореф. дис. ... канд. ист. наук Томск, 1996. С. 17.
- ²⁵ ГААО. Ф. 4-И, оп. 1, д. 145, л. 22 об.
- ²⁶ Летопись Амурской области. Благовещенск, 1998. Т. I. С. 20.
- ²⁷ Камчатские епархиальные ведомости (КЕВ). 1897. № 18. С. 361—362.
- ²⁸ РГИА. Ф. 796, оп. 442, д. 473, л. 8.
- ²⁹ Там же. Д. 786, л. 9.
- ³⁰ Там же. Д. 877, л. 11; см.: Газдиев Д.О. Благовещенская духовная семинария // Христианство на Дальнем Востоке. Владивосток, 2000. Ч. I. С. 15—18; Федирко О.П. Очерки истории православного образования в дореволюционном Приамурье (1862—1918 гг.). Благовещенск, 2003. С. 68—70, 85—88.
- ³¹ РГИА. Ф. 796, оп. 442, д. 632, л. 25.
- ³² Там же. Д. 526, л. 9 об.
- ³³ Там же. Д. 577, л. 7 об.; д. 682, л. 6 об.
- ³⁴ Там же. Д. 526, л. 4 об.; д. 473, л. 4.
- ³⁵ Там же. Д. 835, л. 8.
- ³⁶ РГИА ДВ. Ф. 1279, оп. 1, д. 36, л. 58—58 об.
- ³⁷ РГИА. Ф. 796, оп. 442, д. 323, л. 9 об.; д. 422, л. 9 об.
- ³⁸ Там же. Д. 473, л. 7.
- ³⁹ Там же. Д. 786, л. 11 об.
- ⁴⁰ Там же. Д. 959, л. 16 об.
- ⁴¹ Там же. Д. 932, л. 10.
- ⁴² Там же. Д. 1005, л. 17 об.
- ⁴³ РГИА ДВ. Ф. 1277, оп. 1, д. 1, л. 80—81.
- ⁴⁴ Там же. Л. 84.

- 45 Положение О приходских попечительствах при православных церквях // ГААО. Ф. 15-И, оп. 1, д. 10, л. 73—74.
- 46 РГИА. Ф. 796, оп. 442, д. 422, л. 10.
- 47 Там же. Д. 877, л. 11.
- 48 Там же. Д. 932, л. 18.
- 49 РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 5993, л. 6—7 об.
- 50 Там же. Л. 5.
- 51 Там же. Оп. 5, д. 489, л. 1.
- 52 ГААО. Ф. 15-И, оп. 1, д. 10, л. 73.
- 53 Там же. Ф. 4-И, оп. 1, д. 174, л. 3, 6.
- 54 РГИА. Ф. 796, оп. 442, д. 473, л. 11 об.
- 55 Там же. Д. 577, л. 10 об.
- 56 Там же. Д. 786, л. 12.
- 57 Там же. Д. 835, л. 4; РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 5993, л. 271 об., 277 об., 290.
- 58 Подсчитано по: РГИА ДВ. Ф. 702, оп. 5, д. 31, л. 422—516; КЕВ. 1894. № 17. С. 366—367.
- 59 РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 5, д. 489, л. 768—768 об.
- 60 РГИА. Ф. 796, оп. 442, д. 1671, л. 8 об.
- 61 Там же. Д. 1562, л. 13 об.
- 62 Там же. Д. 1449, л. 10.
- 63 Подсчитано по: РГИА. Ф. 796, оп. 442, д. 1507, л. 10, 20.
- 64 Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского. 1893, 1894 и 1895 годы. СПб., 1895. С. 18; Приамур. ведомости. 1896. 21 апр. С. 11.
- 65 РГИА. Ф. 796, оп. 442, д. 1562, л. 13.
- 66 РГИА ДВ. Ф. 1279, оп. 1, д. 36, л. 38.
- 67 Сердюк М.Б. Православные епархии... С. 365.
- 68 РГИА. Ф. 796, оп. 442, д. 1883, л. 10.
- 69 Разумовский А. Владивостокская епархия за первые пять лет ее существования (1899—1903 гг.). Симферополь, 1906. С. 16.
- 70 Ермацанс И. Преемники епископа Иннокентия (Вениаминова) // Христианство на Дальнем Востоке. Ч. I. Владивосток, 2000. С. 35—36.
- 71 Разумовский А. Владивостокская епархия... С. 89.
- 72 Там же. С. 78.
- 73 Составлено по: РГИА. Ф. 796, оп. 442, д. 1764, л. 23; д. 1765, л. 39; д. 1882, л. 77 об.; д. 1883, л. 27; д. 1939, л. 115; д. 1940, л. 28; д. 1970, л. 66 об.; д. 2075, л. 21 об.; д. 2077, л. 30; д. 2195, л. 85; д. 2197, л. 39; д. 2257, л. 8 об.; д. 2259, л. 33 об.; д. 2318, л. 16 об.; д. 2320, л. 25; д. 2438, л. 27; д. 2440, л. 24 об.; д. 2503, л. 11; д. 2505, л. 21 об.; д. 2565, л. 11 об.; д. 2567, л. 21; д. 2625, л. 21; д. 2626, л. 21 об.; д. 2687, л. 27 об.; д. 2689, л. 25; д. 2749, л. 20 об.
- 74 Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора Гродекова. 1898 и 1900 гг. Хабаровск, 1901. С. 23; Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора Гродекова. 1901 и 1902 гг. Хабаровск, 1902. С. 10.
- 75 Разумовский А. Владивостокская епархия... С. 79.
- 76 Московские пастырские курсы. СПб., 1911. С. 10—11.
- 77 Подсчитано по: РГИА. Ф. 796, оп. 442, д. 2318, л. 16 об.; д. 2687, л. 27 об.
- 78 Подсчитано по: РГИА. Ф. 796, оп. 442, д. 2320, л. 25—25 об.; д. 2749, л. 20—20 об.
- 79 РГИА. Ф. 796, оп. 442, д. 1940, л. 33; д. 2257, л. 10; д. 2320, л. 25 об.
- 80 Там же. Д. 2318, л. 19 об.
- 81 Там же. Д. 2014, л. 54; д. 2075, л. 24.
- 82 Журналы I—IX съездов духовенства Владивостокской епархии. Владивосток, 1914. С. 384.
- 83 Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. № 18. С. 427.
- 84 Журналы I—IX съездов ... С. 385.
- 85 Там же. С. 384.
- 86 Смагин А.Н. Колонизатор Южно-Уссурийского края священник Михаил Кессельман // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Т. 8. Владивосток, 2004. С. 168—176.
- 87 Ваулин Г. Первая обитель на Дальнем Востоке. Владивосток, 1903.
- 88 Журналы I—IX съездов ... С. 317.
- 89 Благовещенские епархиальные ведомости. 1899. № 16. С. 94.
- 90 Разумовский А. Владивостокская епархия... С. 95.
- 91 РГИА. Ф. 796, оп. 442, д. 2318, л. 20 об.; д. 2438, л. 24 об.
- 92 Там же. Д. 2015, л. 27 об.
- 93 ГАХК. Ф. И-13, оп. 1, д. 1, л. 37.
- 94 РГИА. Ф. 391, оп. 4, д. 1302, л. 26, 14; ГАПК. Ф. 1 (д), оп. 1, д. 34, л. 35.
- 95 РГИА. Ф. 796, оп. 442, д. 2320, л. 27 об.
- 96 РГИА ДВ. Ф. 702, оп. 5, д. 31, л. 408 об.

SUMMARY: What were the circumstances the parish priests of the Far East of Russia lived and worked at the second part of the 19th and the early of the 20th centuries is in subject of the article by a post-graduate, A. Smagin.